

В апреле этого года исполнилось бы шестьдесят лет замечательной сахалинской поэтессе, члену Союза писателей России Таё Немовой (Кочетовой Таисии Владимировне), ушедшей из жизни около двух лет назад.

Родилась она в селе Стародубском Сахалинской области, куда её родители приехали из города Владимира. Среднюю школу закончила в городе Макарове, где и начала работать корреспондентом газеты «Родная земля». В 1971 году переехала с семьёй в город Улан-Удэ. Трудилась на телевидении, в газетах, с 1976 года — на БАМе. Училась на заочном отделении журналистики в Иркутском университете. После трагической гибели мужа и смерти от болезни сына приехала в 1986 году в посёлок Буюкли Смирныховского района, затем — в посёлок Смирных. Работала художником-оформителем, корреспондентом районной и областной газет. Печаталась в журналах, коллективных сборниках, издала несколько поэтических

книг. В предисловии к одной из них писатель Владимир Санги писал: «Этот берег, ныне трагический, был когда-то, быть может, самым красивым и благодатным. Море и горы, небо и долины, грозовые тучи и нерестовые реки. Память людская сохранила об этом крае благоговение. И люди молились богам, чтобы эта благодать была бесконечной... Здесь и родилась Тая Немова. Босая, голоногая, она проходила по кромке воды, где властвовали две стихии: стихия воды и мир суши. Она росла в согласии со всеми богами: богом моря, богом тверди, богом неба. И это согласие быстро отзывалось строками столь же естественными и красивыми, как сила и назначение Великих Стихий. Так она начиналась. Так она стала Поэтом. У неё сложился свой читатель — верный, надёжный, ожидающий. И ожидание своего читателя поэт постоянно оправдывает. Нежность, чистота помыслов, драматизм времени, трагедия эпохи — всё отражено в её безыскусенных и в то же время изысканных стихах...»

Тая Немова: «Возликуй, душа моя!»

ЗЕМЛЯКУ

Когда подступит к сердцу острое предощущение беды,
земляк, ты вспомни: мы на острове,
среди бушующей воды.

Не избалованы мы негой,
суров наш пенистый прибой,
нам даже жаловаться некому,
ведь мы на острове с тобой.

Тебя бил тоже шторм неласковый
и ангел смерти целовал,
но нашей лодке перелатаной
ещё грозит девятый вал.

Пусть кто-то там живёт по волчьему закону хитрости и зла,
но мы на острове. Нам подличать и предавать никак нельзя.

Когда ты скажешь: как непросто мне
в такой лихой, тяжёлый час,
земляк, ты вспомни: мы на острове,
и всё зависит лишь от нас!

АНИВА

Пьёшь вино и бархатное пиво,
бегаешь по тоненькому льду,
у залива с именем Анива
чаек ты сбиваешь на лету.

Пуля твоя — меткая на диво,
не минула белого крыла.
Но рекой по имени Анива
раненая чайка уплыла.

Сядешь после ужина лениво,
бахрому на кресле теребя,
девочка по имени Анива
черноглазо глянет на тебя.

Ну а я? Живу, дышу июлем,
простиру — сушу на ветерке.
Всё нормально. Даже след от пули
вовсе не заметен на руке.

МЕДВЕДЬ

А когда в речке рыба плеснула
и погасла зари полоса,
я нечаянно молча взглянула
в его чёрные злые глаза.

Разойтись — ни малейшей надежды.
Я бежала к родному крыльцу
так, что сучья срывали одежду
и хлестали кусты по лицу.

И теперь, когда мало народа
и ночами не видно ни зги,
по траве моего огорода
бурый зверь нарезает круги.

Он с верёвки украл моё платье,
он приходит теперь даже днём,
и от страшных медвежьих объятий
я уже ускользаю с трудом.

Из-за дерева в чёрных накрапах
он мне в спину хрипит горячо,
а вчера волосатую лапу
тяжело положил на плечо.

Я не знаю, что будет со мною.
Паутинкой надежда блеснёт:
скоро лето пройдёт, и зимою
мой медведь под корягой уснёт.

Я на моторонке
по морю плавала,
от счастья прыгала,
от страха плакала.
Ходила, глупая,
вдали от берега,
до нитки вымокла
в платышике беленьком.

Накаты чёрные
и море — горкою,
плевалась за борт я
водою горькою,
водою свежею
ещё раз вымылась
и только к вечеру
на берег выбралась.
А там дожди метут,

там листья кружатся,
на крыши чёрные
там небо рушится,
от страха злые псы
ушами прядают,
вороны головы

под крылья спрятали,
знакомый тополь мой
поник и вылиньял,
и я одна смеюсь
под злыми ливнями.

Шагаю босая,
ветрам открыта.
Мне нипочём дожди:
я морем мытая!

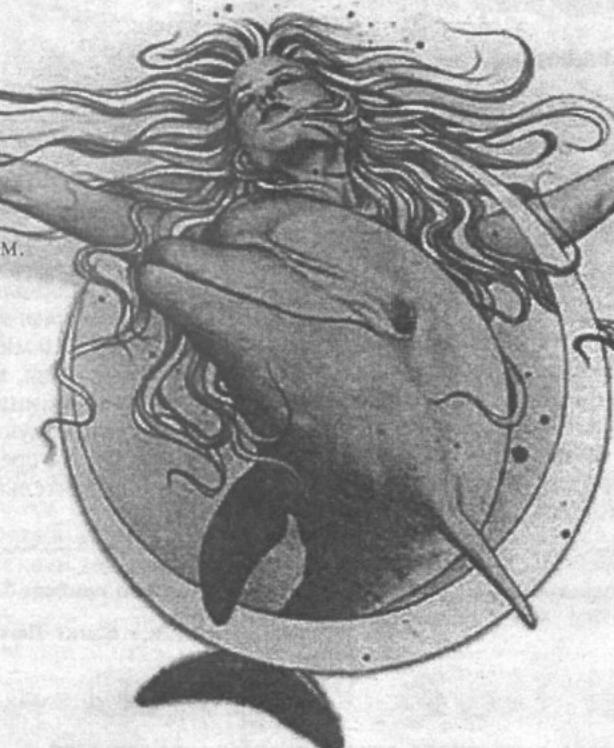
НА ВОЛНЕ

Запрокинув лицо,
вижу солнца кольцо
сквозь неплотно прикрытые веки.
Я плыву на спине
и несёт на волне
меня море в проливы и реки.

А быть может, в ручьи,
а быть может, в ничьи,
без названия, дикие русла,
где медведь в этот день
ловит рыбу таймень
и ломает хребет его с хрустом.

Где-то пули свистят,
пароходы гудят
и надменные рушатся башни —
суета не по мне,
и пока на волне,
всё легко и нисколько не страшно.

Знаю: миг — и плеснёт,
и на берег швырнёт,
в мир зверя или в дождь,
под машины.
Но в слепящей весне
я пока на волне —
на крутой искромётной вершине!

О ПОЛЬЗЕ ОТКЛЮЧЕНИЯ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ

Если б счастье зимой не теряла —
не нашла бы надежды к весне,
если б я в самолётах летала,
то уже не летала б во сне.

А утратив, опять замечаю,
что взамен получу, что хочу.
Сожалею: нам свет отключают,
но зато зажигаю свечу.

Aх, свеча! В старомодные дали
ты уносишь, легка и строга.
...Если б свет неожиданно дали —
не сложилась бы эта строка!

Не смей закаты рисовать,
не смей смотреть на звёзды,
не смей вопросы задавать,

не смей гулять так поздно,
не смей брать в руки жаб и змей,
не смей твердить: сумею.
И тут не смей, и там не смей...
А я смеюсь и смею!

ВОРОЖБА

Заходи, молодой-хороший,
ты ко времени, ночь уже.
Ворожея тебе наворожит,
что в своей ворошишь душу.

Чёрный знак — он и так понятен,
глаз от тени не отводи.
Видишь, в путаной пляске пяты
нет пути тебе, нет пути.

Свой ты власки и с долей лоска,
но презрел одинокий плач,
и за этой слезой из воска
нет удач тебе, нет удач.

На столе порошком толчёным
набросала судьбу пыльца:
лицемерной личине чёрной
не найти своего лица.

Эти карты на сдачу строги,
крести-пики сдауют — лови
и смотри: на любой дороге
нет любви тебе, нет любви.

Что молчишь, молодой-хороший?
Что невесело так глядишь?
Ворожея лишь то ворожит,
что в душе своей ворошишь.

Слова, слова, слова...
И всё уже не ново.
Не вечна лишь молва,
но вечно слово.

На это — карантин,
тому — грозит облава,
и корень не един
у слов «слова» и «слава».

Лихой удел — понять
закон их тайной доли,
подбрасывать и мять,
как мячики в ладони,

оттачивать на бой
и шлифовать почище,
носить всегда с собой,
как нож за голенищем.

Дурного не твори —
со мной святая сила.
Спасибо говори,
что словом не убила.